

В. Седельников

ЧК И АРХИВЫ:

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьский переворот с последующими преобразованиями, пронесшись над российскими архивами, не причинил им того ущерба, которого можно было бы ожидать в дни столь глубоких потрясений. Конечно, было немало случаев и утрат ценнейших материалов, и варварского отношения к документам, и архивного вандализма, наконец, но ситуация в целом оказалась более или менее благополучной. Настолько благополучной, что даже С.Ф. Платонов — выдающийся историк и архивист, которого, несмотря на лояльность и добросовестное сотрудничество с новой властью, трудно заподозрить в симпатиях к ней, свою речь при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 г. начал так: «Общий процесс разрушения, в котором не намечается еще процесс созидания, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле». Нетрудно заметить оттенок некоторого удивления в высказывании ученого — и действительно, налицо своеобразный парадокс. Ключ к его разгадке дал сам Сергей Федорович: «Необходимость охранить беспризорные архивные документы, необходимость внести порядок в наши архивы, — сплотила архивных деятелей и историков вокруг этой задачи¹, что и обеспечило успех дела.

Известно, что люди интеллигентных профессий в большинстве негативно встретили Октябрь, усматривая в нем подавление молодой российской демократии и узурпацию власти. Настроения эти, еще более окрепшие после разгона Учредительного собрания, вылились, по выражению видного чекиста Я.Х. Петерса, в «стачку интеллигенции», которая была «самым больным в этот период явлением для Советской власти...»². Тем не менее, Союз российских архивных деятелей³ раньше других принимает решение «выделить служащих

¹ Архивные курсы: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С.3.

² Утро страны Советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде: 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С.248.

³ Профессиональная организация, созданная в марте 1917 г. представителями крупнейших архивов, музеев, библиотек и других научных учреждений Петрограда с целью охраны документов, совершенствования архивного дела и подготовки реформы в этой области.

архивов, как учреждений научных и охраняющих национальное достояние, из общей политической забастовки и предоставить им право вернуться на службу»⁴.

Для такого решения были серьезные основания. В процессе ломки старого аппарата архивы подвергались многочисленным опасностям. Новые служащие различных советских учреждений, организуемых на месте прежних министерств, департаментов, канцелярий, чаще всего «были враждебны, по крайней мере — равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому не нужным бумажным хламом, который понапрасну загромождает помещение, получившее новое назначение, попусту занимает шкафы и полки, которые могут еще пригодиться. Дела, бумаги, книги выбрасывались в беспорядке из комнаты в комнату, из этажа в этаж, в коридоры, а то и во дворы. В тех — еще лучших — случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех»⁵. Нужно было спасти оставшиеся бесхозными архивы и от «гнева толпы», видевшей в них символ ненавистного прошлого, и от предприимчивых торговцев и хозяйственников, стремившихся использовать их в качестве обертки для товара и сырья для бумажных фабрик.

Правительство также не осталось безучастным к бедственному положению архивов. Там нашлись люди, понимавшие как научную и практическую ценность документов, так и необходимость проведения архивной реформы, о которой уже давно мечтала научная общественность страны. При ближайшем участии представителей старой гуманитарной интеллигенции — прежде всего историков и архивистов — был подготовлен декрет Совнаркома «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», 1 июня 1918 г. подписанный В.И. Лениным. Этим декретом предусматривалось создание Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Главного управления архивным делом (Главархива), что, конечно, само по себе было шагом вперед по сравнению с прежним принципом ведомственной собственности на архивы.

Успех реформы связан прежде всего с именем Д.Б. Рязанова, по поручению Совнаркома возглавившего ее и ставшего первым руководителем Главархива. Активный участник архивного строительства первых лет Советской власти А.Ф. Изюмов, высланный в 1922 г. из страны и ставший бессменным руководителем отдела документов

⁴ ЦГАОР СССР. Ф.7789. Оп.1. Д.1. Л.98.

⁵ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. // Русский исторический журнал. 1918. Кн.5. С.208.

Русского заграничного исторического архива в Праге, вспоминал, что «Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считающегося с мнением других»⁶, что «он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элементам», однако «ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей»⁷.

Главархив в ту пору стал одним из ведущих научных центров, подлинным очагом культуры. С его деятельностью оказались связаны практически весь цвет тогдашней исторической науки, известные филологи, высококвалифицированные архивисты. В Москве работали Н.Н. Ардашев, С.В. Бахрушин, С.А. Белокуров, Н.Ф. Бельчиков, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер, Е.А. Косминский, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Б.И. Николаевский, В.И. Пичета, Н.В. Рождественский, А.Н. Савин, Г.В. Сергиевский, А.И. Соболевский, В.Н. Сторожев, В.И. Троицкий, А.Н. Филиппов, Д.В. Цветаев, Н.П. Чулков, В.В. Шереметевский; в Петрограде — А.И. Андреев, С.А. Аннинский, Н.П. Ашешов, Я.Л. Барсков, И.А. Блинов, С.Н. Валк, Г.С. Габаев, Н.В. Голицын (до своего ареста в качестве заложника в июне 1919), Б.Д. Греков, В.Г. Дружинин, М.А. Дьяконов, К.Я. Здравомыслов, Г.А. Князев, М.Г. Курдюмов, А.И. Лебедев, И.И. Любименко, А.Н. Макаров, И.Л. Маяковский, А.С. Николаев, Ю.Г. Оксман, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, А.А. Сиверс, В.В. Снигирев, Е.В. Тарле, Н.П. Черепнин, А.А. Шахматов, А.А. Шилов и многие-многие другие. Наверное, значительно проще было бы назвать тех, кому не пришлось в те годы соприкоснуться с архивным миром.

На службу в Главархив и подведомственные ему учреждения охотно шли не только ученые-историки и архивисты-профессионалы. В военных архивохранилищах трудилось немало бывших офицеров, с фондами духовного ведомства работали бывшие священнослужители. В провинции к архивной работе были привлечены краеведы, ревнители местной старины. Нельзя не сказать и о недавних выпускниках гуманитарных ВУЗов, многие из которых вместе со своими старшими товарищами испытали все тяготы архивной жизни тех лет.

⁶ Изюмов А.Ф. Десять лет архивной реформы в Советской России (1/VI-1918 — 1/VI-1928). С.3 — статья из ежегодника «Casopis archivni skoly». Прага. 1928. т.VI. С.154-170. Перевод с чешского языка, сделанный в 1933 г. Е.Рашер, хранится в Научной библиотеке ЦГА СССР.

⁷ Изюмов А.Ф. Архивное дело в России в 1918-1922 гг. // Новая русская книга. Берлин, 1922. №9. С.4.

Работали в голоде, в холоде, выгребая документы из подвалов, сараев, с чердаков, таская их на себе в безопасные помещения. «Приходилось проникать в беспризорное учреждение, убеждать, разъяснять и иногда умолять лиц, не отдававших себе отчета в том, к каким тяжелым последствиям, реально тяжелым для жизни, ведет гибель документа, — не выбрасывать архивные фонды, охранять их, дать им временный приют. Равнодушие и непонимание важности дела, вкоренившиеся исторически в сознание широких масс мешали... в творческой строительной работе Главного управления архивным делом»⁸, — это свидетельство выдающегося архивиста профессора А.С. Николаева.

Приведем один пример. Когда сотрудница Петроградского отделения Главархива О.Е. Корнилович, получив задание вывезти архив бывшего Пажеского корпуса, обратилась к коменданту здания корпуса Броншвейгу, то «означенный комендант отнесся к Корнилович с чрезвычайной грубостью, позволил себе кричать на нее, угрожать револьвером, громогласно заявив: счастье Ваше, что Вы женщина, а то бы я Вас немедленно расстрелял...»⁹. Пообещав затем посадить в тюрьму («и пусть Луначарский Вас там разыскивает»), обругав походя Д.Б. Рязанова и комиссара Петроградского учебного округа З.Г. Гринберга, отпустил.

Что же заставляло архивистов сотрудничать с Советской властью, в то же время внутренне не принимая ее? Что, помимо естественного стремления заработать кусок хлеба, заставляло их так самоотверженно отдаваться работе? Прежде всего — сознание своего долга перед народом, перед будущей Россией, национальное достоинство которой они спасали. Архивная работа, по крайней мере, при Рязанове, была политически нейтральным делом и не ставила перед необходимостью поступаться убеждениями. Она была, наконец, своего рода отдушиной в обстановке бытовых лишений, террора, разгула темных страстей. Как образно выразился профессор М.А. Полиевктов, «работа... в Архивном управлении была для него светлым духовным успокоением на безотрадном фоне сумерек петербургской жизни за последние годы»¹⁰.

Осенью 1920 г., воспользовавшись пребыванием Д.Б. Рязанова в зарубежной командировке, его сместили с поста руководителя Главархива. На эту должность был назначен М.Н. Покровский, имевший свой взгляд на проблему старых специалистов. Он считал, что «ни им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с рази-

⁸ Николаев А.С. Главное управление архивным делом. // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 7.

⁹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп. 1. Д.357. Л.12 об. - 13.

¹⁰ Полиевктов М. Реформа архивного дела в России 1918 г. // Новая русская книга. Берлин. 1922. №2. С.29.

нутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта»¹¹. Не останавливаясь здесь на теме «Покровский и архивы», заслуживающей специального рассмотрения, перейдем, наконец, к основному предмету нашей работы.

Начиная с конца 1960-х гг., появился целый ряд работ, значительно более объективно, чем раньше, освещавших архивное строительство первых лет Советской власти и участие в нем старой гуманитарной интеллигенции¹². В то же время комплекс вопросов, связанных с местом архивов в деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, с взаимоотношениями ЧК и архивных учреждений¹³, до сего времени не затрагивался в исследованиях наших историков¹³.

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранятся два небольших дела. Одно из них называется «О возврате документов, взятых при обысках и арестах»¹⁴, другое — «Окулич-Казарин»¹⁵. Рассказ о них в какой-то степени поможет восполнить указанный выше пробел.

* * *

7 марта 1919 г. газета «Северная коммуна» опубликовала объявление, в котором Петроградская чрезвычайная комиссия доводила «до всеобщего сведения, что заявления о возврате вещей, докумен-

¹¹ Покровский М.Н. Наши спелы в их собственном изображении. // Красная новь. 1922. №1(5). С. 154.

¹² Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда 13-14 июня 1968 г. Л., 1970. С. 19-35; Олигов А.В. Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917-1924 гг.) // Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины: Сборник статей. М., 1980. С.73-76; Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917-1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.194-203; Чудакова М.О., Сажин В.Н. Архивный документ в работе Тынянова и проблема сохранения и изучения архивов. // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С.141-156 и др.

¹³ Применительно к преамбулам ЧК — ОГПУ и НКВД в конце 1920-х — 1930-х гг. — эти вопросы получили освещение в ряде исследований и публикаций. См.: Ростов А. Дело четырех академиков. // Память: Исторический сборник. Вып.4. Москва, 1979 — Париж, 1981. С.469-495; Пшеничный А.П. Репрессии архивистов в 1930-х годах. // Советские архивы. 1988. №6. С.44-48; Шумихин С. Судьба архива Ф.Ф. Раскольников: Несколько размышлений об архивной истории. // Наше наследие. 1988. IV. С.79-85; Анциферов Н. Из воспоминаний / Вступительная заметка, публикация, комментарий А.И. Добкина и А.Б. Рогинского. // Звезда. 1989. №4. С. 117-165; Брачев С.В. «Дело» академика С.Ф. Платонова. // Вопросы истории. 1989. №5. С. 117-129; Шумихин С. Письма наркомам. // Знание — сила. 1989. №6. С.69-74.

¹⁴ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.274.

¹⁵ Там же. Д.95. В заголовке и большинстве документов дела допущена ошибка (Акулич-Казарин).

тов и денег по делам, законченным комиссией к 1 января с.г., будут приниматься лишь до 1 апреля с.г.». Сообщалось, что «вещи, документы и деньги, подлежащие, согласно решению комиссии, возврату и не затребованные к указанному сроку их владельцами, будут почитаться конфискованными и возвращаться не будут»¹⁶.

Петроградское отделение Главархива, решив воспользоваться создавшейся ситуацией, предприняло попытку спасти ценные в научном отношении документы. 24 марта в ЧК было отправлено письмо, в котором говорилось, что «при аресте в качестве заложников или по ордерам Чрезвычайной комиссии б[ывших] офицеров у них производились обыски с выемкой различного рода бумаг, как личных записок, дневников, воспоминаний, так и официальных, имевшихся у них как результат их прежней деятельности. Материалы эти в огромном большинстве случаев представляют значительный научный интерес для истории великой мировой войны и первого периода революции. В виде примера можно указать на документы, долженствовавшие быть у расстрелянного б[ывшего] флигель-адъютанта [М.М.] Веселкина, б[ывшего] Севастопольского градоначальника, находившегося во время войны в так называемой Сербской экспедиции начальником морских и сухопутных сил Морского ведомства, игравшего важную роль в переговорах с Румынией и имевшего вообще большое влияние в делах флота.

При аресте б[ывшего] начальника оперативной части Штаба флота [М.А.] Петрова, ныне освобожденного, были изъяты официальные бумаги оперативного характера. Возможно предположить, что при ближайшем рассмотрении могут оказаться... и другие подобные случаи»¹⁷.

Далее в письме, подписанном заведующим Петроградским отделением Главархива С.Ф. Платоновым и управляющим делами И.Ф. Цызыревым, содержалось ходатайство о передаче вышеуказанных и других такого рода документов непосредственно в Главархив или в подведомственный ему Историко-революционный архив¹⁸.

Ответом ПетроЧК от 27 марта извъявлялась готовность передать испрашиваемые бумаги, но ввиду отсутствия среди чекистов специалиста, способного отобрать ценные с исторической точки зрения документы, секретарь комиссии Шимановский просил прислать квалифицированного архивиста¹⁹.

¹⁶ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.4.

¹⁷ Там же. Л.10.

¹⁸ Там же. Л.10 об.

¹⁹ Там же. Л.5.

Поручением от 2 мая²⁰ розыск и отбор документов в ЧК был возложен на инспектора архивов В.И. Ромишовского²¹, а 9 мая 1919 он уже представил в коллегию Петроградского отделения Глав-архива докладную записку о проделанной работе, в которой, в частности, говорилось следующее: «Тов. Шимановский... сообщил, что почти все бумаги по делам, законченным производством, отнятые при обысках и арестах б[ывших] офицеров армии и флота, накопившиеся в Чрезвычайной комиссии за продолжительное время *подвергнуты уничтожению*²², отчасти для того, чтобы освободить помещение Ч[резвычайной] комиссии от ненужного балласта, отчасти же в силу "некоторых особых обстоятельств"».

Мне были показаны помещения, где хранятся "вещественные доказательства", к числу которых относятся бумаги и документы, изъятые при обысках. Весьма незначительное количество холщевых мешков, заключающих в себе вещественные доказательства по каждому делу отдельно, по объяснению тов. Шимановского, относятся к текущим делам, не могущим быть переданными в Главархив.

По делу М.А. Петрова никаких документов в комиссии не нашли, по делу же [...] б[ывшего] адмирала М.М. Веселкина мне был предъявлен небольшой опечатанный мешок». В ходе тщательного осмотра документов этого мешка, указывает далее Ромишовский, выяснилось, что все они «составляют исключительно переписку частных лиц, не представляющую особого, а тем более научного интереса [...]

В комиссии я узнал, что имеется еще два хранилища материалов, предназначенных к уничтожению, вследствие чего и просил допустить меня к их осмотру, это: 1) помещение около Амосовской печи и 2) над ледником во дворе.

Тов. Шимановскому я предъявил декрет 1 июня 1918 г. Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] о реорганизации и централизации архивного дела, со ссылкой на п[ункт] 5 этого декрета²³. Шимановский сознался, что о существовании этого декрета ему не было известно.

В запертом помещении у Амосовской печи, ключ от которого находился у вахтера, свалено в кучу довольно значительное коли-

²⁰ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.9.

²¹ Ромишовский Виталий Иванович (род. 1876) — сын врача, выпускник Юридического факультета Петербургского университета (1902). Работал помощником Обер-секретаря канцелярии Сената. В июне 1918 г. был приглашен Д.Б. Рязановым на службу в Главархив. Интересен ответ Ромишовского на вопрос анкеты «К какому сословию и классу принадлежали Вы до Октябрьской революции?»: «К сословию дворянскому, а к классу трудящихся». (ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.833).

²² Подчеркнуто в тексте.

²³ Данный пункт гласил: «Правительственные учреждения не имеют права уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги без письменного разрешения Главного управления архивным делом.

Нарушители сего запрещения будут привлечены к судебной ответственности».

чество бумаг, брошюр, фотографий и книг (приблизительно воза два); помещение темное — без окон. При беглом осмотре мною между прочим был найден составленный кап[итаном] ген[ерального] шт[аба] Д. Лебедевым отчет об императорских австрийских маневрах 1909 г. в Моравии, взятый мною для передачи в I отд[еление] III секции²⁴.

Во дворе, вдоль стены здания, сплошь высоко заставленной дровами, имеется над ледником помещение; взобравшись на дрова, сквозь раскрытую дверь помещения я увидел кучу бумаг и книг, приблизительно тоже воза два, ближе ознакомиться с этим материалом мне не пришлось, но, по словам сопровождавшего меня вахтера, эти бумаги относятся к следствиям по политическим делам отчасти до-революционного, отчасти же и послереволюционного периода.

Если сообщенные вахтером сведения точны, то заключающиеся в этом помещении материалы надлежит отнести к ведению Историко-революционного архива и для ближайшего ознакомления с ними казалось бы следовало бы командировать кого-либо из состава названного архива.

Сверх сего считаю нужным добавить, что, как сообщил т. Шимановский, у следователей Чрезвычайной комиссии постепенно накапливается довольно значительное количество изъятых при обысках материалов, каковые по мере завершения дел становятся им ненужными и до сих пор подвергались уничтожению. Признавая, что среди таких материалов могут попадаться и весьма ценные исторические, характеризующие революцию документы, с своей стороны полагал бы необходимым от лица коллегии Петроградского [отделения] Главархива войти в Чрезвычайную комиссию с заявлением о том, что такие документы ни в коем случае не могут быть уничтожаемы без письменного разрешения Главархива [...] и чтобы, по мере накопления в комиссии ненужных ей материалов, доводилось до сведения Главархива, для командирования представителя соответствующей секции²⁵ с целью отбора²⁶.

История имела свое продолжение. Из письма руководства Петроградского отделения Главархива в ЧК от 12 июля 1919 г.²⁷ можно

²⁴ ЕГАФ имел секционную структуру. Номер III носила военно-морская секция, I петроградское отделение которой концентрировало в себе фонды органов военного управления, гвардейских и армейских войсковых частей петроградского и окрестных гарнизонов, а также военных учебных заведений.

²⁵ В состав ЕГАФ, кроме уже упоминавшейся военно-морской, входили секции законодательства, верховного управления и внешней политики (I), юридическая (II), народного просвещения (IV), историко-экономическая (V), внутреннего управления и самоуправления (VI), историко-революционная (VII), печатных изданий официально характера (VIII). В 1921 г. была создана историко-культурная секция (IX).

²⁶ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.274. Л.12-13.

²⁷ Там же. Д.291. Л.3.

понять, что комиссия передала ЕГАФ какие-то «законченные дела о контрреволюционных и иных выступлениях». Здесь же содержалась просьба передать и иные документы, «изъятые при обысках и конфискациях». Какие материалы были переданы, при каких обстоятельствах, передавались ли документы в дальнейшем — на эти вопросы ответа пока нет.

Неясно и то, как ЧК, почти через год после выхода декрета центрального правительства могла не знать о нем и продолжать возами уничтожать документы. С другой стороны, необычен тот факт, что архивиста приглашают в «чрезвычайку», позволяя не только порхать в конфискованных бумагах, но и кое-что прихватить с собой. Представить нечто подобное в ведомствах Ягоды, Ежова и Берии (равно и их преемников) невозможно²⁸.

Не только ЧК варварски относилась к культурному наследию страны. Тот же Ромишовский, выясняя судьбу «старинных документов в запечатанной коробке», изъятых при обыске особняка Абамелек-Лазаревых 9 сентября 1918 г., попал в судебную следственную комиссию 2-го городского района (Мойка, 104, угол Тюремного переулка), куда эти документы были переданы. И вот какую картину он нарисовал в своей докладной записке от 30 октября 1919 г.: «По словам т. Васина, заведующего кладовой вещественных доказательств, упомянутые документы несомненно уничтожены. По установленному месяцу два назад порядку, в настоящее время все хранящиеся в судебной следственной комиссии вещественные доказательства вместе с обвиняемыми представляются в соответственные народные суды. До установления этого "нового порядка" не только документы, но и всякие иные вещественные доказательства подвергались уничтожению»²⁹.

* * *

Обратимся ко второму делу. В конце ноября 1918 г. в Пскове вскоре после вступления туда советских войск был арестован Николай Фомич Окулич-Казарин. Это был человек, хорошо известный в мире науки, хотя сам он «считал себя только чернорабочим» от нее, поскольку не имел специального исторического образования. Родился он 19 ноября 1849 г. в Перми, обучался в кадетском корпусе и артиллерийском училище, участвовал в русско-турецкой войне. Затем окончил Александровскую военно-юридическую академию и в тече-

²⁸ Директор Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевич в 1930-е годы напрасно бомбардировал наркомов письмами, призывая обратить внимание на архивы арестованных, не допустить их гибели, привлечь к экспертизе архивистов. Ответом было молчание. Шумихин С. Письма наркомам. // Знание — сила. 1989. №6. С.69-74.

²⁹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.89. Л.95.

ние многих лет служил по военно-судной части. Выйдя в отставку в чине генерал-лейтенанта, поселился в Пскове и целиком отдался краеведной работе. Долгое время он был секретарем и товарищем председателя Псковского археологического общества, самоотверженно и любовно работал над созданием местного музея — одного из лучших в российской провинции, написал целый ряд трудов по истории и археологии Пскова, в том числе капитальный «Спутник по древнему Пскову» (1911 г.)³⁰.

Когда Н.Ф. Окулич-Казарин оказался в Псковской «чрезвычайке», это, естественно, не могло не взволновать научную общественность города. Члены Псковской губернской ученой архивной комиссии и сотрудники музея 6 декабря пишут на имя Д.Б. Рязанова ходатайство о содействии в освобождении своего коллеги³¹. Заведующий Главархивом откликается немедленно: уже 10 декабря в Псков уходит телеграмма с просьбой к местным властям посодействовать скорейшему выходу на свободу арестованного краеведа, учитывая его преклонный возраст и научные заслуги³². В деле есть еще копия справки, не имеющая ни даты, ни подписи, ни адресата. По содержанию она представляет собой характеристику Окулича-Казарина и, как можно предположить, была направлена в «органы» с целью засвидетельствовать его благонадежность. В ней говорилось, что этот человек «исключительно предан науке и всегда был чужд какой бы то ни было политики. Деятельность его в Пскове также лишена была какой бы то ни было политической окраски. [...] Его племянник — офицер гвардии — расстрелян в Петрограде. Но этот племянник никогда в Пскове не жила и не бывал и не имеет ничего общего с дядей»³³. Предпринятые хлопоты достигли цели, и даже еще до получения рязановской телеграммы псковский узник был освобожден.

31 марта 1919 г. Совнарком принял «Положение о губернских архивных фондах», в связи с чем особо остро встал вопрос о подыскании в провинции квалифицированных и преданных делу людей, которые могли бы организовать архивную работу на местах. В Петроградском отделении Главархива, в сферу влияния которого входила и Псковщина, вспомнили о Н.Ф. Окуличе-Казарине. К нему обращаются с предложением возглавить губернский архивный фонд, и он его принимает, испытывая, впрочем, некоторые сомнения, связанные со злополучным арестом. К сожалению, сохранилось только

³⁰ Янсон А. Н.Ф. Окулич-Казарин. // Познай свой край! Сборник Псковского общества краеведения. Вып.1. Псков, 1924. С.60-64; Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864-1914 гг.). Т.11. М., 1915. С.255.

³¹ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.2-3.

³² Там же. Л.4.

³³ Там же. Л.1.

одно (от 22 мая 1919 г.) из двух ответных писем Окулича-Казарина С.Ф. Платонову. Приводим его полностью:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Вероятно, Вы уже получили мое письмо, написанное в ответ на лестное предложение, переданное мне от Вашего имени Григорием Алексеевичем Алексинским³⁴ и Борисом Николаевичем Шатровым. Я не скрыл от них, что состою здесь под надзором Чрезвычайки. По их мнению, это не помешает моему назначению, хотя все-таки лучше было бы освободиться от надзора. Григ[орий] Ал[ексеевич] советовал мне сказать в Чрезвычайке о предстоящем мне назначении и просить извинить меня от надзора, причем ловко намекнуть на возможность просьбы о том же Всерос[сийской] Чрезвычайной комиссией. Однако ж, здешние мои друзья, хорошо знающие местные особенности и условия, не советуют мне это делать.

По их мнению, будет гораздо лучше, если почин будет исходить не от меня, а от Главного архивного управления. Это и побуждает меня теперь беспокоить Вас покорнейшей и убедительной просьбой: не найдет ли Гл[авное] управление возможность предпринять эти шаги? Пусть оно не боится впасть в ошибку относительно моей политической безвредности. История моего "надзора" такова: на 3 день по вступлении советских войск я был арестован шайкой пьяных солдат, не имевших ни ордера, ни иных полномочий и совершенно меня не знавших и никогда в лицо не видевших. Причина ареста — мои отставные генеральные погоны и малиновая подкладка моего пальто. В тюрьме я пробыл 11 дней. Меня допрашивали, но никаких обвинений мне не предъявляли: ч[е]рез 11 дней освободили, обязав подпиской являться дважды в неделю в Чрезвычайку, что я и исполняю с 7 декабря. Впрочем, теперь мне разрешили являться только 1 раз в неделю. В Чрезвычайке я расписываюсь и ухожу — вот и все, по чистой совести.

Теперь происходят какие-то события, смысла коих я не понимаю. Говорят о возможности для поднадзорных *географических изменений*³⁵, а то еще и похуже (не умею выразиться яснее). Заступничество за меня со стороны такой власти, как Главное архивное управление, было бы как нельзя более *своевременным* и действительным.

³⁴ Во всех советских энциклопедиях ошибочно указано, что Г.А. Алексинский эмигрировал в 1918 г. По крайней мере, еще в мае 1919 г. он работал инспектором Главного архива.

³⁵ Подчеркнуто в тексте.

Я уже наметил список моих будущих сотрудников и сослуживцев по архивному делу: это учителя истории или же люди, обладающие архивным опытом. Предложенный я еще никому не делал, тем более, что не знаю штатов. Среди намеченных мною лиц есть даже один профессор³⁶, быть может, удастся привлечь еще и другого профессора — Ивана Евсеевича Евсева.

Засим, позвольте Вам пожелать всего наилучшего и еще раз поблагодарить Вас от всей души за оказанное лестное доверие.

Искренно преданный Вам

Н.Окулич-Казарин»³⁷.

Посылая это письмо, его автор не знал, что уже с 15 мая 1919 г. по рекомендации Г.А. Алексинского он назначен заведующим Псковским губернским архивным фондом³⁸. Однако, поработать ему в этом качестве не пришлось. Вскоре он заболел, а 25 мая Псков был снова занят белыми войсками. Николай Фомич уехал на лечение в Юрьев (сейчас Тарту), долго пролежал там в больнице, а вернуться назад после выздоровления уже не смог (а может быть, и не захотел, помня о своих злключениях), поскольку Псков вновь оказался отделенным линией фронта. Он остался в Эстонии и умер там 26 сентября 1923 г. в небольшом местечке Обер-Палене близ Феллина (ныне Вильянди)³⁹.

Благородная деятельность руководителей архивного ведомства по спасению попавших в беду людей отнюдь не исчерпывается описанным выше эпизодом. Осенью 1918 г. из Кронштадтской ЧК был вызволен Сергей Петрович Илинский, арестованный в августе того же года как бывший офицер в целях «политической профилактики». В прошлом генерал-майор, командир первой бригады шестой пехотной дивизии, он потом успешно работал заведующим одним из отделов в I отделении III секции ЕГАФ⁴⁰. В марте 1922 г. был арестован заведующий научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Центрархива⁴¹ Виктор Иванович Яцкевич, в ночь с 29 на 30 апреля 1922 г. такая же участь постигла управляющего I отделением III секции ЕГАФ профессора Петра Ивановича Измествьева, а в ночь с 19 на 20 июля того же года арестовали Алексея Сергеевича Путилова — непременно ученого секретаря Петроградского отделения

³⁶ Далее в тексте фамилия неразборчиво.

³⁷ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.95. Л.5-6.

³⁸ Там же. Л.7.

³⁹ Янсон А. Указ. соч.

⁴⁰ ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.28. Л.1.68.

⁴¹ Декретом ВЦИК от 30 января 1922 г. Главархив был преобразован в Центральный архив (Центрархив) РСФСР, под которым понималась совокупность всех архивных учреждений республики.

Центрархива и заведующего отделением частных архивов. За всех троих С.Ф. Платонов ходатайствовал через Комиссию по улучшению быта ученых об освобождении или облегчении участи⁴², однако, какова была реакция на эти обращения, нам пока выяснить не удалось. Известно лишь, что был освобожден А.С. Путилов, впоследствии вновь арестованный и расстрелянный по так называемому «делу Академии Наук»⁴³.

⁴² ЦГИА СССР. Ф.6900. Оп.1. Д.436. Л.38, 39, 41, 46.

⁴³ Анциферов Н. Из воспоминаний. // Звезда. 1989. №4. С. 141, 164.